

Иваненко Галина Сергеевна

АНАЛИЗ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА КАК АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются формы речевого воздействия на адресата в свете исследования экстремистского текста. Представлена типология форм речевого воздействия, отражающая запретительные нормы антиэкстремистского законодательства. На конкретном речевом материале, ставшем предметом судебного разбирательства, показана реализация различных типов речевого воздействия, с соответствующими им семантическими формулами и средствами реализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-87. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

18. **Duden Deutsches Universalwörterbuch.** Mannheim – Leipzig – Wien - Zürich: Dudenverl., 2002. 1816 S.
19. **Köbler G.** Deutsches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koeblergerhard.de/derwbhin.html> (дата обращения: 15.02.2013).
20. **Partridge E.** Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English. Great Britain: The Taylor & Francis e-Library, 2006. 4218 p.
21. **Skeat W. W.** An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford: At the Clarendon Press, 1888. 844 p.
22. **Wahring G.** Deutsches Wörterbuch mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. Gütersloh - München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH, 1991. 1493 S.
23. **Yato J.** Word Origins. The Secret Histories of English Words from A to Z. London, 2005. 577 p.

REFLECTION OF PEOPLE'S RELIGIOUS IDEAS DEVELOPMENT IN RELIGIOUS CULTURE VOCABULARY (BY MATERIAL OF THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES) (PART 1)

Zueva Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Pozdnysheva Galina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Sheifel' Natal'ya Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Belgorod State University
zueva@bsu.edu.ru; pozdnisheva@bsu.edu.ru; sheifel@bsu.edu.ru

The authors undertake an attempt to conduct the semantic analysis of the main general-religious and general-Christian notions in comparative aspect by the material of the Russian, German and English languages with the purpose of revealing the peculiarities of people's religious worldview development, who are the representatives of different Christian confessions, and pay special attention to religious vocabulary etymological analysis that reveals the common regularities of the religious ideas development of different languages and cultures bearers.

Key words and phrases: religious vocabulary; general-religious vocabulary; general-Christian vocabulary; etymological analysis; semantic classification; meaning structure.

УДК 8

Филологические науки

В статье рассматриваются формы речевого воздействия на адресата в свете исследования экстремистского текста. Представлена типология форм речевого воздействия, отражающая запретительные нормы антиэкстремистского законодательства. На конкретном речевом материале, ставшем предметом судебного разбирательства, показана реализация различных типов речевого воздействия, с соответствующими им семантическими формулами и средствами реализации.

Ключевые слова и фразы: текст; экстремизм; судебное исследование; речевое воздействие; призыв; побуждение; пропаганда; унижение национального достоинства; возбуждение ненависти и вражды.

Иваненко Галина Сергеевна, к. филол. н., доцент
Челябинский государственный педагогический университет
gala.april@mail.ru

АНАЛИЗ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АДРЕСАТА КАК АСПЕКТ СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ТЕКСТА[©]

Информационное пространство на настоящий момент является мощной силой формирования общественного сознания, поэтому оно неизбежно становится объектом правового контроля. Наиболее значимыми по своим последствиям для всего общества являются речевые преступления, предусмотренные законодательством об экстремистской деятельности.

Экстремизм как социальное явление в его идеологическом проявлении предполагает деятельность по дестабилизации общества гражданского согласия, способную привести к смене политического строя и правительства незаконным путем, к ущемлению прав граждан по какому-либо признаку (расовому, национальному, религиозному, социальному, половому), противостоянию больших групп людей, их столкновению и в конечном итоге кровопролитию. Законодательство всех стран мира, в том числе и России, нацелено на предотвращение общественных беспорядков. Одно из направлений этой превентивной деятельности связано с блокировкой информационных источников, популяризирующих идеи ненависти, вражды, насилия, формирующих агрессивное, взрывоопасное состояние социума.

В то же время концепция демократического государства предполагает свободу слова, включающую право выражать несогласие и недовольство деятельностью правительства, конкретных его представителей, общественных объединений, партий, сообществ, право выражать отношение к различным идеологиям, в том числе религиозным. Эти права также закреплены конституцией и законодательством.

Столкновение идеологической свободы и идеологических ограничений неизбежно порождает конфликт интерпретации конкретного речевого произведения как содержащего/не содержащего признаки экстремистского материала.

Вопросы о концептуальных основах лингвистических исследований по делам такого типа являются на настоящий момент в лингвоэкспертологии полем горячих дискуссий. Так, одни авторы выявляют семиотические признаки текста экстремистского характера [2; 6], другие считают сам поиск лингвистических критериев юридического понятия выходом за пределы профессиональной компетенции [4; 5]. Предложения методики выявления коммуникативного намерения [15] противостоит представление о несоответствии лингвистического содержания текстовых категорий психологической природе мотивов и целеполаганий [4; 5]. Подобные дискуссии обусловлены, с одной стороны, стремлением лингвоэкспертного сообщества выявить методологические и методические основы судебных лингвистических исследований по делам об экстремизме, с другой стороны, осознанием необходимости ограничения пределов предметной компетенции.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является один из аспектов судебного экспертного анализа текста, рассматриваемого на предмет выражения экстремистской идеологии, – выявление типа речевого воздействия на реципиента в свете реализации стратегии дискредитации.

С точки зрения характера речевого воздействия приведенный в антиэкстремистском законодательстве [11; 12; 14] перечень речевых преступлений, так или иначе связанных со стратегией дискредитации, организуется в следующие основные группы:

- 1) **унижение** достоинства человека по признаку отнесенности к расе, национальности, религии, социальной группе;
- 2) **пропаганда** исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;
- 3) **возбуждение** ненависти, вражды к человеку или группе лиц по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) публичные **призывы** к нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; призывы ко всем перечисленным в законе об экстремизме действиям.

Одним из объектов лингвоэкспертологии стало выявление объема и содержания данных понятий, которм в свете теории речевых актов можно присвоить статус речевых актов [3, с. 412-469].

Наибольшее внимание исследователей привлек речевой акт призыва. Вопрос о средствах выражения призыва как речевого акта и как категории, использованной в формулировке закона, обсуждается в современной лингвистике [1; 3; 4; 5; 10]. В монографии А. Н. Баранова [3] описаны возможные грамматические формы призыва. Ими признаются: 2 л. ед. ч. или мн. ч. повелительного наклонения (*Убирайтесь из России!*), использование глагола «быть» в форме 1 л. мн. ч. (*Будьте верны чистоте крови предков!*), грамматическая форма 2 л. ед. ч. глагола «давать» (*Дайшь халифат!*), использование перформативных глаголов, например глагола «призываю» (*Призываю всех мусульман...*), форма «долгой»! (*Долой всех черномазых с нашей земли!*), частицы *пусть* и *пускай*, да (*Пусть все чурки сохнут от рук наших ребят!*, *Да сгинет гнет гастарбайтеров!*), инфинитивные предложения (*Не вступать в переговоры с русскими!*), использование модальных слов с семантикой долженствования (*Нужно закрыть Эстонию для русских!*), некоторые другие грамматические средства [Там же, с. 433-439].

Разнообразие форм воздействия на реципиента сделало неизбежным выделение явных и скрытых (эксплицитных и имплицитных, прямых и косвенных) призывов, создание типологии призывов: призыв-лозунг, призыв-апелляция, призыв-обращение, призыв-воззвание [Там же, с. 422-433]. Прделанные детальные исследования снабдили экспертную практику убедительным арсеналом типологий средств реализации призывов, однако доминирование номинации «призыв» по отношению к разнообразным речевым актам воздействия привело к искусственному, на наш взгляд, подведению под эту категорию высказываний иной семантики. Квалификация же речевого акта может оказать влияние на правовую квалификацию речевого деяния. Поэтому считаем необходимым выстроить триаду воздействующих речевых актов: **призыв – побуждение – пропаганда**.

Призыв – это отнесенное к адресату обращение, содержащее актуализированное побуждение к какому-либо действию. Призыв – самый конкретный из типов воздействия, самый прямолинейный, но неизвестно, самый ли действенный. Это предстоит выяснить средствами психологических исследований соответствующим специалистам. Предположительно различные формы императивного воздействия в экстремистских текстах ориентированы на реципиентов с различным культурным и образовательным уровнем и, соответственно, неидентичной способностью декодировать прагматическую направленность текста.

А. Н. Баранов применяет к речевому акту призыва семантическую формулу, предложенную А. Вежбицкой для семантической экспликации императивов: «Я хочу, чтобы ты сделал Р» [Там же, с. 412].

«Сейчас по тем городам и местам, откуда приезжают они, пойдет возврат: будет много смертей, эпидемий, начнутся катаклизмы, все будет рушиться. Если хотите избежать этого надвигающегося ужаса на ваши города и поселения из-за этих видящих и экстрасенсов, **найдите их и уничтожьте**. Пока они живы, вам не будет покоя ни днем, ни ночью!!!» (листочка, представленная на исследование – Г. И.) [9].

В приведенном тексте содержится прямой (явный, эксплицитный) призыв, выраженный глаголом в повелительном наклонении, к уничтожению людей по признаку их отношения к деятельности.

Пропаганда – понятие более широкое, чем призыв и побуждение. Пропаганда – распространение каких-либо идей, учений, взглядов, знаний; идейное воздействие на широкие массы. То есть любое теоретическое или эмоциональное обоснование какой-либо позиции является пропагандой.

Семантическая формула пропаганды: «Я рассказываю тебе об Р, чтобы ты понял Р и признал Р правильным и истинным». Так, например, в приведенных далее фрагментах материалов, признанных экстремистскими, не содержится призыва, но содержится пропаганда – гораздо более глубокая форма воздействия на сознание.

«Как известно, каждый настоящий Партиец, со стопроцентной необходимостью, должен быть Подонком. Быть Подонком трудно, но почетно. Подонок – это человек, который не имеет ничего общего с нынешним обществом, его убогими ценностями и вонючей моралью» (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [8].

«Оставим всяческие оправдания тем, кому они нужны... Мы должны мыслить внеморальными категориями... ставлю себя по ту сторону добра и зла... Подонок является носителем высших ценностей арийского человечества» (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [Там же].

Насилие эстетизируется и романтизируется. Персонажи, совершающие преступления, называются в тексте газет «героями», «романтиками», «интеллектуалами», «революционерами». Убийство, разрушение, вандализм в текстах позиционируются как форма социального протеста. Статья, описывающая жестокую сцену убийства человека, совершенного с садистской жестокостью, предваряется философским рассуждением:

«Данный текст представляет собой произведение стихийного интеллигента. Полубессознательное сопротивление всегда является наиболее жестоким, а злоба развивает умственно, вот почему такие люди становятся революционерами. Формы выражения протестных настроений бывают разные. Многие из них совсем непрактичны в смысле политики. Именно в силу своей непрактичности они, так сказать, “от ку-тур”. Однако такие явления очень ценны в культурном плане, поскольку искусство – это то, что побуждает к действию» (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [Там же].

И действительно, такой материал выполняет запрограммированную функцию и побуждает к действию: позитивно оценивает насилие над личностью и делает его знаменем «интеллектуала» и борца за некие «идеалы». Культивируется насилие как социальная и философская жизненная позиция: *«Насилие привлекает к делу национальной революции людей, очень далеких от каких бы то ни было идей вообще... В наше время расплодилось множество говнюков, обожающих порассуждать на тему добра и зла. Зло как таковое – бессмысленное, не мотивированное, абсолютное; и его привлекательность, которая не зависит от знания его природы» (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [Там же].*

Пропаганда как тип воздействия на реципиента ориентирована на рассудочный уровень восприятия. В приведенном примере не звучат прямые призывы, но читателю предлагаются аргументы в пользу пренебрежения всеми нравственно-этическими барьерами: злоба и жестокость позиционируются как признаки интеллектуальной элитарности, а насилие – как естественное проявление оппозиционных настроений.

Пропаганда, в отличие от призыва, не связана жестко с конкретными лексическими и грамматическими показателями, поэтому выявление этого типа речевого воздействия основано на семантико-стилистическом анализе, выявлении культивируемых идей и выражаемых коннотаций.

Побуждение – описание ситуации, из которой логично следует обоснованность и необходимость совершения неких действий. В отличие от пропаганды, побуждение не выходит на идеологический уровень. В отличие от призыва, побуждение не содержит непосредственного признания действия как должного или необходимого.

Побуждение может быть описано следующей семантической формулой:

«Рассказываю тебе об Х, чтобы ты понял, что тебе нужно сделать Р».

«Жават живет на своей земле, и землей не торговал. Это вы, русские, продавали этому вонючему еврею земли коренных народов, продавали, потому что не свое, чужое. К вашему сведению, место, где стоят храмы (православные, католические, мусульманские и т.д.), присваивает тот, кто создал эту религию, то есть евреи. Вы хоть задумывались, что, пуская на свою территорию всякие религии, вы впускали евреев в свои города, свои поселения. Чем больше построят храмы любых “мастей”, тем больше размножаются евреи» (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [9].

В приведенном тексте отсутствует призыв к действиям против какой-либо группы лиц, но содержательными и стилистическими средствами читатель подводится к мысли о неприятии людей еврейской национальности. Пренебрежительное, брезгливое отношение передано грубо-просторечным словом «вонючий», выражающим крайне негативное отношение и пренебрежение. Также весь контекст построен на пресуппозиции о некоей заведомой ущербности этого народа. Поэтому авторские восклицания звучат как открытие: *«вы хоть задумывались...», «к вашему сведению...»*. Предполагается, что *«впускать евреев в свои города, села»* – действие, которое можно совершить только неосознанно. Словосочетание «размножаются евреи» также нацеливает на формирование негативного отношения: слово «размножаться» имеет в данном контексте иронично-пренебрежительное и презрительное стилистическое значение. Помимо негативной коннотации, в формировании негативного отношения к лицам конкретной национальности задействован и содержательный компонент: эта нация представлена как захватчик чужой земли и создатель порабощающих религий. Вопросительными конструкциями, актуализирующими внимание читателя, бранными характеристиками и сообщениями, работающими на создание образа врага, формируется побуждение к действиям против лиц, объединенных признаком национальности. Приведенный комплекс признаков характерен для реализации побуждения как формы речевого воздействия.

Возбуждение (ненависти, вражды, розни) – форма речевого воздействия, трактовка номинации которой в контексте «*возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию*» стала предметом дискуссий в юрислингвистической практике. Сложность заключается в том, что отглагольное существительное «возбуждение» индифферентно к форме вида производящего глагола, в то время как в судебном процессе возникает вопрос: каким видом глагола – совершенным или несовершенным – можно охарактеризовать действия подсудимых? Лицо, которому инкриминируют экстремизм, возбуждало ненависть и вражду (как процесс) или же возбудило эту ненависть и вражду (как результат)? Этот вопрос стал ключевым в судебном разбирательстве по делу распространения экстремистских материалов членами НБП в Челябинске. В публикациях выражалась мысль о необходимости насилия как единственной действенной формы социального протеста, оно представлялось как политически мотивированное поведение членов партии, участвующих в избиениях, актах насилия и вандализма. Распространенные материалы изобиловали натуралистичными сценами, подробно и наглядно все это изображавшими. Несколько опрошенных свидетелей заявили, что рассматриваемые публицистические материалы вызвали у них, как у читателей, чувство безразличия и, как следствие, протеста по отношению к представленной позиции и, напротив, не вызвали никаких националистических чувств и не спровоцировали на противоправные действия.

Представляется, что не стоит путать категории совершенно различных понятийных уровней: категорию смысла как комплекса выражаемых идей, их развертывания и прагматической ориентации читателя (внутри-текстовая категория, репрезентирующая намерение автора) и категорию восприятия, реакции реципиента (категория социально-психологическая, обусловленная многочисленными факторами: возрастом, полом, социальным статусом, жизненным опытом, политическими взглядами, психологическим складом реципиента). Какие-либо идеи и призывы могут находить или не находить поддержку в обществе в целом, в какой-то его части. В судебном порядке трудно или практически невозможно адекватно ответить на вопрос: как именно повлиял тот или иной материал на сознание читателя, слушателя, зрителя. Нельзя исключать скрытого, под-сознательного воздействия, как и отсроченного. Поэтому более логичным представляется понимание «возбуждения ненависти и вражды» как целенаправленного процесса, независимо от результата.

В то же время для утверждения о направленности текста на возбуждение ненависти, вражды, розни необходимо отличить текст агрессивного характера от текста негативного содержания. Важную роль в рассматриваемой формулировке играет слово «возбуждает». Анализ значения слова показал непротиворечивую картину семантического описания, согласно которой у слова выделяются следующие значения, имеющие отношение к рассматриваемому вопросу:

«Возбуждать 1. что. Порождать, пробуждать, вызывать; усиливать. *Возбуждать зависть, удивление, жалость. Возбуждать деятельность. Возбуждать аппетит. Возбуждать надежды на что-нибудь.* 2. кого-что против кого-чего. Вызывать в ком-нибудь злобу, раздражение против кого-чего-нибудь, восстанавливать кого-нибудь против кого-чего-нибудь. *Кулаки возбуждают крестьян против советской власти.* 3. кого-что. Приводить в состояние нервного подъема, усиленной нервной деятельности. Возбуждать нервы. *Возбуждать себя наркотиком*» [11].

Анализ не противоречащих друг другу словарных значений показал, что их объединяет общая базовая сема «приводить в более активное состояние», и этот компонент семантики не содержится в значении слова «выражать». Возбуждение ненависти и вражды, розни между группами людей предполагает активное воздействие на аудиторию с открытым или подтекстовым побуждением к выражению враждебности по отношению к кому-либо. Текст должен не просто выражать негативное отношение пишущего (в таком случае он социально незначим), а именно возбуждать негативные эмоции, находящие себе выход, реализацию (в таком случае он приобретает социальную значимость).

Семантическая формула возбуждения: «Говорю тебе X, чтобы ты почувствовал пробуждение/усиление чувства/состояния P».

Так, в приведенном далее тексте выстраивается нетривиальная оппозиция азербайджанцы – башкиры: *«За те поступки, которые здесь, в Челябинске, творили азербайджанцы, будет отвечать весь азербайджанский народ! А они натворили “дел” очень много, десятилетиями им не исправить. Живя на земле Жавата, плевали на его народ – башкир. Разве вам понравится, если башкир, живя на азербайджанской земле, будет поступать так, как поступают азербайджанцы здесь?»* (листовка, представленная на исследование – Г. И.) [9].

Поступки, которые творили азербайджанцы – содержание этого обвинения не раскрывается, но контекст и стилистическая окраска слова «творили» позволяет читателю понять, что азербайджанцы совершали в Челябинске некие крайне негативные поступки. *Плевать на кого-либо* – стилистически сниженная метафора со значением «пренебрегать, выражать равнодушие к интересам, переступать через чьи-либо потребности ради удовлетворения собственных». Азербайджанцы поставлены в тексте в оппозицию челябинцам, представлены недружественным сообществом, приносящим вред и проблемы. Возможно, до прочтения настоящего текста читатель не видел выделенного в нем противопоставления интересов, но констативные утверждения в сочетании с экспрессивными негативно-оценочными средствами ориентированы на возбуждение как минимум недоверия к обозначенному в тексте источнику агрессии.

Унижение (достоинства человека по признаку отнесенности к расе, национальности, религии, социальной группе) как форма речевого воздействия проявляется в оскорбительных оценках и характеристиках, несовместимых с представлениями о ценности личности как индивидуума и как представителя некой общности людей, объединенной по какому-либо признаку (пола, расы, национальности, языка, происхождения,

отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе). Оскорбительность предполагает выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности. Такая оценка умаляет достоинство человека в глазах окружающих, преследует цель показать его неполноценность, ущербность. Унижение обычно сопровождается моральными страданиями лица, которому указали на его ничтожность, несостоятельность, которые в контексте закона об экстремизме обусловлены не личными качествами, а принадлежностью к группе, объединенной по какому-либо признаку.

Семантическая формула унижения: «Говорю тебе X, чтобы ты осознал свою ничтожность; говорю вам X, чтобы вы осознали его ничтожность».

В аспекте формы унижение достоинства человека или группы лиц по какому-либо признаку осуществляется стилистически сниженными языковыми средствами. Это нелитературные номинации человека, как правило, по национальной принадлежности (этнические инвективы, экспрессивные этнонимы, этнофолизмы): *хачик, жид, чурка, черномазый*.

Однако исследование вырванной из контекста и дискурса языковой единицы не приведет к адекватному осмыслению ее реальной роли в коммуникативном акте. Так, будет различаться употребление, например, номинаций *москаль* и *хохол* в частной беседе и в политическом публичном выступлении.

Унижение достоинства группы людей осуществляется не только оскорбительными характеристиками их самих, но и значимых для их социума образов. Так, все религии воплощены в идеологиях, включающих систему нормативных постулатов поведения – догматов и систему культовых образов, существование которых не подвергается сомнению. Поклонение этим образам, обращение к ним составляют неотъемлемую часть верований, и, соответственно, с ними верующий человек отождествляет и свою собственную идентификацию как личности.

В приведенном далее тексте автор насмехается над библейским общехристианским образом Девы Марии: «...а Дева Мария родила Иисуса. Спрашивается, от кого же она родила? Говорят, что от Бога. От какого же Бога? Богов много и многие из Богов животного происхождения. Кто отец Иисуса? Если Дева Мария не признается, кто отец Иисуса, значит, Деву Марию поимели все Боги, и поэтому она не помнит, кто из этих животных отец Иисуса. Так что, делаем выводы: Дева Мария – Библейская шлюха!!! Да и вообще, я сам из деревни, и понимаю все буквально. Вопрос гинекологам. Как могла Дева Мария забеременеть, если она была девственницей?» (листочка, представленная на исследование – Г. И.) [Там же].

Настоящий издевательский памфлет, распространенный с расчетом на прочтение представителями христианской конфессии, не просто подвергает сомнению основы христианского вероучения, но и грубо высмеивает их. Оскорбительная сущность всего текста с очевидностью представлена в выделенной фразе, которой выражается пренебрежение к одному из центральных образов христианства. Номинация *шлюха*, отнесенная к Деве Марии, приписывает ей поведение, противоречащее самой сущности выражаемых ее образом идеалов, что, безусловно, не может не оскорблять чувства верующих.

Таким образом, исследование материалов, рассматриваемых в суде на предмет выражения экстремистской идеологии, показало необходимость соотносить семантико-стилистическую структуру текста с типологизированными формами речевого воздействия, отражающими запретительные нормы антиэкстремистского законодательства (призыв, побуждение, пропаганда, возбуждение, унижение), характеризующимися соответствующей семантической формулой и средствами реализации и проецирующимися на правовую квалификацию.

Список литературы

1. **Аблин М. В.** Косвенные призывы в современных идеолого-религиозных текстах разных жанров [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/kosvennyye_prizyv_v_sovremennykh_ideologo_religioznykh_tekstakh_raznykh_zhanrov/5-1-0-131 (дата обращения: 20.12.2012).
2. **Ахунзянова Ф. Т.** Экспертиза конфликтного исламского текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/ehkspertiza_konfliktного_islamskogo_teksta/5-1-0-113 (дата обращения: 21.12.2012).
3. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
4. **Бринев К. И.** Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/brinev_k_i_sudebnaja_lingvisticheskaja_ehkspertiza_po_delam_o_religioznom_ekstremizme/5-1-0-139 (дата обращения: 21.12.2012).
5. **Бринев К. И.** Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2009. № 7 (41). С. 35-39.
6. **Голиков Л. М.** Семиотика экстремистского текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ekstremistskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 21.12.2012).
7. **Губаева Т. В.** Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Института экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Казань, 2006. Вып. 7. С. 303-315.
8. **Материалы уголовного дела № 490673 / СУ СК при прокуратуре Челябинской области Челябинск, 2006.**

9. **Материалы уголовного дела № 491161** / СУ СК при прокуратуре Челябинской области. Челябинск, 2009.
10. **Медведева Д. С.** Классификация призывов экстремистской направленности: коммуникативный [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/klassifikacija_prizyvov_ehkstremistskoj_napravlenosti_kommunikativnyj_aspekt/5-1-0-125 (дата обращения: 18.12.2012).
11. **О противодействии экстремистской деятельности** [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html> (дата обращения: 15.12.2012).
12. **О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности** [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. URL: <http://www.rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html> (дата обращения: 12.01.2013).
13. **Толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс]: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <http://ushdict.narod.ru/> (дата обращения: 25.01.2013).
14. **Уголовный кодекс РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/> (дата обращения: 25.12.2013).
15. **Хазимуллина Е. Е.** Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридиколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/5-1-0-138

ADDRESSEE SPEECH INFLUENCE FORM ANALYSIS AS ASPECT OF EXTREMIST TEXT JUDICIAL SCRUTINY

Ivanenko Galina Sergeevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Chelyabinsk State Pedagogical University
gala.april@mail.ru

The author considers the addressee speech influence forms in the light of the extremist text research, presents the typology of speech influence forms, reflecting the prohibitive norms of the anti-extremist legislation, and shows the realization of different types of speech influence with correspondent semantic formulae and realization means by the concrete speech material, which became a trial object.

Key words and phrases: text; extremism; judicial scrutiny; speech influence; appeal; motivation; propaganda; national disparagement; hatred and hostility stimulation.

УДК 821.35.0

Филологические науки

В статье рассматриваются признаки классической литературной баллады, сохраняющиеся на современном этапе, и выявляются закономерности, в соответствии с которыми происходит их трансформация в кабардино-черкесской литературе. Выраженная тенденция к интерпретации балладного сознания и балладных ценностей позволяет говорить о саморефлексии жанра.

Ключевые слова и фразы: жанр; образ; сюжетность; романтический герой; фольклорная ориентация; трансформация.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]

На новейшем этапе развития кабардино-черкесской литературы лиро-эпические произведения не пытаются выйти на ведущие позиции. В поэтических сборниках последних лет они занимают весьма скромное место, но при этом мало кто из современных кабардинских и черкесских поэтов обходит лиро-эпiku вниманием – интерес к ней пусть не популярен, но стабилен. Все созданное в этом ключе на данный период свидетельствует о развитии, осуществляющемся подчас через совершенно разные уровни художественного мастерства и типы мироощущения. Однако если темы, выдвигаемые сознанием эпохи как наиболее значимые, можно более или менее ясно обобщить по поэтному контексту, то на материале баллад это сделать практически невозможно. Общих тем, характерных для современной баллады, не говоря уже о чисто формальных показателях, выделить невозможно. Нельзя не согласиться с мнением, что «в XX веке баллада утрачивает жанровую строгость» [2, с. 287]. Тем не менее, все произведения, модифицируемые современными